

«Автопортрет». 1930-е годы

Реставрация найденной в Болшевском доме-коммуне фрески «Семь-Авчальская ГЭС»

структивизма. С разрушающейся сейчас Болшевской коммуной, представляющей собой интереснейший конструктивистский ансамбль, то же самое. О Маслове, если бы не энтузиазм случайно оказавшихся рядом двух-трех знатоков, мы бы так и не узнали. Он оказался бы окончательно погребен в обломках истории — метафорически и буквально. Большая часть его работ, кажется, утрачена. Что осталось, помимо болшевской росписи? Некоторое количество акварелей, набросков, журнальных иллюстраций, уличных зарисовок, коллажей из Королевского исторического музея. Маслов, в общем-то, художник второго ряда, но очень интересный, соединяющий разнородные стилистические регистры — отточенный конструктивизм с экспрессионизмом, нежные французские тона с напористыми видениями будущего. Это очень лирический авангард. Непрошенная страсть, ухарский задор не коллективного, но личного свойства проникают у него всюду — даже там, где им нет места: в пропагандистские коллажи, в афиши, в те же болшевские муралы. Это свойство мгновенно бросается в глаза, но, если почитать масловскую биографию, становится понятно, откуда оно. Родившийся на Урале, в Верхней Синячихе, Маслов подростком уходит из семьи и начинает бродяжничать — и вскоре рисовать (отсюда любовь к криминализированным уличным героям в его графике). К концу 1920-х он оказывается в Москве, привлекает внимание как художник, но нигде не может закрепиться. По рекомендации Горького Маслова направляют в Болшевскую трудовую коммуны ОГПУ. Это удивительный социальный эксперимент. Коммуна была создана в 1924 году по инициативе Дзержинского и под руководством чекиста Матвея Погребинского как альтернатива приемникам для малолетних преступников, хулиганов, беспризорников, заполнивших улицы после Гражданской войны. Эта была маленькая коммунистическая утопия: поселок без охраны, без специального дисциплинарного порядка, в котором перевоспитание основывалось исключительно на вовлечении в коллективный труд. И, как ни странно, этот

ОДНУ ФРЕСКУ УДАЛОСЬ
ВЫТАЩИТЬ ПО ЧАСТЯМ,
ОНА В ПОЛУРАЗРУШЕННОМ
СОСТОЯНИИ. ВТОРАЯ ОСТАЕТСЯ
ПОД СТРОИТЕЛЬНЫМИ
ЗАВАЛАМИ

проект оказался успешен. Бывшие «ненадежные элементы» обрели почву под ногами, в коммуне работало несколько фабрик, сама она превратилась в прообраз идеального производственного города. Там же расцвела культурная жизнь — журнал, оркестр, выставки, литературные кружки. Помимо Маслова, еще одним ее видным участником был его друг, очень интересный поэт Владимир Державин, в рамках новой праведной жизни писавший изощренные романтические стихи на марксистские темы (опус магнум — дикий поэма «Первоначальное накопление»). Болшево было одним из главных успехов советского педагогического проекта, туда десятками возили знаменитых иностранцев, о нем появлялись статьи и книги. В 1931 году вышел первый советский звуковой фильм — «Путевка в жизнь» Николая Экка, героизированный рассказ о триумфе Погребинского и его воспитанниках. К тому же коммуны покровительствовал Ягода, с 1933 года она носила его имя. Все это, разумеется, до 1937-го — через неделю после ареста главы НКВД Погребинский кончает с собой, вскоре на большинство коммунаров заводят уголовные дела. Однако эту историю никак не получается воспринимать в рамках привычного нарратива о Большом терроре. В ней слишком много неправильного. Мы привыкли думать о раннесоветских утопических проектах вроде конструктивистских домов-коммун как о нереализованных и нереализуемых мечтах прекрасных романтических безумцев, помешанных на коллективе, как романтические безумцы других эпох были помешаны на личности.

В Болшево — получилось. При этом получилось у представителей репрессивной машины — той, что одновременно уничтожала все утопические ростки. Конечно, Погребинский был, по чекистским меркам, фигурой куда менее кровавой, чем его покровители. Но, кажется, только по этим меркам. И одновременно эта созданная усилиями НКВД локальная коммунистическая утопия оказалась средой для появления очень плохо вписывающихся в наши представления об официальной культурной жизни середины 1930-х художников — людей, принимающих за общее дело не по правилам, создающим в формирующемся большом стиле зону страстности и странности, в которой добровольность участия неотличима от своеволия чувств. В 1938 году коммуны закрывают, Погребинский становится запрещенной к упоминанию фигурой. Маслова, как и многих других болшевцев, расстреливают. Державин перестает писать и тихо занимается переводами. «Путевка в жизнь» начинает восприниматься как революционная сказка. Незаконная, никому не нужная история гладко смысывается из памяти. Сейчас при очень робком возвращении в культурное пространство этот сюжет по-прежнему кажется очень болезненным. Маленькая выставка Маслова, что редко случается с архивными экспозициями, становится на редкость важным событием. Маслов кажется такой важной для понимания истории авангарда фигурой не только из-за отличных работ. Скорее, потому что он был в ней не только творцом, но и продуктом, сырьем утопии, списанным в расход. Его выставка вскрывает по-прежнему сырой, непережариваемый и очень тревожный пласт истории — истории искусства, идей, социальных проектов — ну и людей тоже, да. Но в шаге от укола исторической памяти стоит опасность, что тревога вновь окажется вытесненной, будет слишком легко принята, законсервирована ритуальным вздохом. Эта уже ступающая готовность смирения тут ощущается не в меньшей степени.

Центр авангарда Еврейского музея, до 19 марта